

Введение Когда мы намереваемся упорядочить клинический материал подростков, первое впечатление, которое мы получаем помимо уникальности каждого пациента, состоит в том, что не существует нозографии, которая охватывала бы разнообразие этих ситуаций или разнообразие их каждодневной жизни. Это справедливо и для психиатрического, и для психоневрологического, и для психоаналитического подходов. Это также подчеркивает факт, что всякий психоаналитический подход становится сложным, когда подростковость не считается интерсубъективным¹ опытом, где эндогамная инфантильная связь находится в переходном состоянии по направлению к связи с экзогамным миром.

Подобным образом я рассматриваю и аналитические сессии с ними. Меня дохновили на это, в основном, такие авторы, как Либерман, Мельтцер, последний "бионец" (Мельтцер 1990), Пьер Алагньер и аргентинский вклад в психоанализ похожих конфигураций. Ни в коем случае это не значит игнорирования вклада других авторов различных направлений, которые внесли и продолжают вносить важный вклад в изучение клиники подростков. И хотя все эти авторы отличаются друг от друга своей теоретической схемой, я предпочитаю тех, кто разделяет беспокойство по поводу поиска ответов на клинические ситуации, которые они считают общим опытом, кто считает, что поле, созданное во время сессии, всегда является выражением анализируемого и аналитика по отдельности и совместно выстраивающих поле трансфера, где осуществляется новый опыт и где выражается то, что прошлое привносит в настоящее.

Основываясь на модели открытой схемы психической жизни, Дэвид Либерман утверждает, что эволюция трансфера в аналитическом процессе является неопубликованным творческим фактом, куда вовлечены оба участника; трансфер не является ни простым повторением детства, ни возвращением на ранние стадии посредством регрессии, он не есть реминисценция. Либерман не рассматривает пациента, как ребенка, скованного родительскими фигурами, представляемыми аналитиком. Он критикует такой подход говоря, что: "образцы инфантильного взаимодействия становятся инструментами научного помощника, психологии развития, которая не является анализом сама по себе." Он считал, что импульсы, также как и аффективные и хаотичные аспекты детства, также

присутствуют в анализе и необязательно в результате оживления прошлого. "Анализ означает не обнаружение, а реструктурирование или создание и изобретение." (Либерман 1970, стр. 426) Деяла Т. Ариян считает, что это – второе определение трансфера, приведенное Либерманом (Ариян 2008). Она добавляет, что Либерман указывает, что подчеркивание бессознательного детерминизма в интрапсихических конфликтах внутри общечеловеческой концепции ограничивает понимание пациента, так как человеческие характеристики аналитика и их референтная схема являются теми элементами, которые будут определять направление процесса трансфера. В аналитическом процессе взаимодействие – это совместное творение.

Это – то, как я вижу это, когда думаю об этом, как об интерсубъективном опыте. В этом контексте я возьму главные психоаналитические концепции, которые подходят к нашей теме и буду применять их к пубертату и подростковому возрасту.

Экзистенциальная проблема

Центральной проблемой молодого человека на пути к достижению экзогамии является познание и понимание его новой реальности; понимание и себя самого, и специфических проблем всякого типа, которые он будет решать изо дня в день, а также целостное понимание своего существования включенного во время и в мир, а также понимание того, что от него ожидается.

Первым важным шоком и разочарованием, которые дают старт эмоциональному опыту пубертата, является то, что несмотря на базовые убеждения, коренящиеся в определенности значений, полученных у мнимого всезнания родителей, подросток не хранит эти значения фиксированными в определенном месте и навечно, готовыми к "открытию", пониманию и применению в виде техники, которая может быть достигнута

посредством некого темного, горького и неприятного мастерства, а медленно обнаруживает, что не существует такой вещи, что он не может заполучить полного, гарантированного и заключительного понимания мира. И это толкает его в ненависть или уединение, хотя могут быть и моменты маниакального триумфализма.

В этом кроется причина того, почему подросток более всего озабочен сексуальностью, сексуальностью, как новой ежедневной задачей, которая полностью возложена на него и сексуальностью, как экзистенциальной проблемой. Обе концепции должны быть освоены самостоятельно. Это означает, что отныне не может быть ссылки на родителей, в то время как суть инфантильной сексуальности управляема Эдиповым комплексом, освоить собственную сексуальную позицию (мужчины или женщины), как диктует собственное тело, необходимо в символическом плане.

В 1985 году я определил подростковость как "состояние полного переопределения

инфантального мира в силу добавление двух базовых элементов: способности вести эротическую жизнь и способность к воспроизведению, оба из которых в конечном итоге будут отражены в чувстве идентичности и автономии и в практике экзогамной социальной жизни с осознанием ее временност/преходящести." (А. Арян 1985)

Сейчас я бы добавил, что сексуальные импульсы, сопутствующие этой огромной психической работе, становятся психологическим эффектом, ощущаемым, как потребность что-то неотложно предпринять из-за обеспокоенности по поводу понимания самого себя и отношений с самим собой и с остальным миром.

Неопределенность и смущение, переживаемые молодым человеком, влияют на его способность мыслить и ясно определять свои требования так же, как и на способность ясного понимания того, что и как ему интерпретировать из того, что он воспринимает. Эта ситуация выразительно отражается во время аналитической сессии. Иллюзорное всезнание приписываемое родителям, приемником которого он считал себя, разрушается, когда он обнаруживает, что его существование в мире наряду с изначальной возможностью цельности значений и функций не достаточны, но зависят от циркулярной структуры его отношения к пониманию. Это значит, что, хотя и вещи предстают ему вместе с их смыслами и ролью, не зная этого, он поймет подобные вещи, когда вложит их в контекст, который, с другой стороны, он не сможет очертировать надлежащим образом.

Контекстуальная адекватность непосредственно относится к взаимосвязи между представлением и его инструментальностью. Этот факт также толкает молодого человека на почти то, что компульсивное экспериментирование в поисках смыслов. Он обнаруживает, что все является открытой возможностью. Он также обнаруживает, что он сам присутствует в мире в виде "черновика/наброска", который может быть

преобразован, изменен и развит всеми возможными способами. Он обнаруживает, что должен постоянно детально разрабатывать слагающие отношения с миром, частью которого он является. Эти жизненные и экзистенциальные открытия, не подвластные полностью его воле и сознанию, также заставляют его манипулировать знанием и интерпретацией вещей и их инструментальностью. Затем он пытается отделить себя от того, что он обнаруживает вокруг, и трансформировать это в объект, субъектом,

которого он может быть, пытаясь контролировать его посредством его "знания".

В аналитической ситуации эти обстоятельства используются при получении и передаче сообщений, где молодой человек в основном озабочен тем, как обозначить факты и как позиционировать себя относительно получаемых интерпретаций. Тем не менее, определенным пунктом этого обмена является то, что молодой человек говорит или самовыражается, не зная, что именно он сообщает и абсолютно не осознавая этого факта, что он желает это сообщать. В этот момент он только чувствует потребность контролировать информацию и манипулировать ею. Пройдет определенное время, прежде чем он почувствует себя достаточно уверенным, чтобы "свободно ассоциировать".

Для поддержания этой характеристики аналитического диалога, важно чтобы аналитик во время слушания посредством своего плавающего внимания структурировал в рамках манифестируемого значимого, а семантическому измерению он должен

присваивать вторичную значимость. Такая означенность дает аналитику возможность дать пациенту узнать, что он имел ввиду на самом деле, сам того не осознавая...

Благодаря этим множественным характеристикам понимания и коммуникации, анализирование и анализируемость представляются сложными действиями. Так как оба действия включают в себя много бессознательного опыта, оба участника могут способствовать провалу в достижении целей этого диалога, если крайняя чувствительность на любой шаг в этом процессе не учитывается самым серьезным образом. Это является уникальным ансамблем, и именно обмен оснащает работу. На него воздействует не только количество информации, которая предоставляется для раскодирования в соответствие со степенью серьезности каждого отдельного случая, но и личность аналитика, степень его опытности и, в частности, предлагаемые структуры

и личный стиль. Относительно этой темы вклад аргентинской школы, в первую очередь Либермана, и современного психоанализа бесценны.

Практика

Во время моей клинической практики, которая также распространяется и на подростков, я всегда находил утверждения М. Кляйн верными. Она утверждает, что

“различие между нашими методами анализа (детей) и анализа взрослых заключается

исключительно в технике, а не в *принципах* (...) и мы получаем те же результаты. Единственное различие в том, что *мы адаптируем* процедуры к *мышлению ребенка*”. (Подчеркнутое принадлежит мне). (М. Кляйн, Психоанализ детей, стр. 34). Таким образом, если перефразировать ее, я скажу, что изучение мышления подростка покажет нам верный путь адаптации аналитических процедур для того, чтобы сделать их приемлемыми и терапевтическими в ранней юности.

С психоаналитической точки зрения можно считать, что психическое состояние в пубертате/подростковом возрасте является смешением временно-пространственных категорий, которое делает невозможным для подростка организацию и позиционирование себя и других. Для изучения окончательной структуры психического аппарата (и различных психических расстройств) необходимо провести внимательное изучение наложений между нарциссическими объектными отношениями, диадической и триангулярной ситуаций, установленной Эдиповым комплексом. Этот подход отвечающий на клинические вопросы, также действенен при достижении психоаналитической терапевтической цели, которая причинная, а не симптоматически описательно-феноменологическая или организованная вокруг синдромов.

Аналитический подход в клинической работе с подростками

В нашем окружении в 80-ые годы было обычным делом считать *идеальным аналитиком* того, кто наилучшим образом разбирал экран проективных идентификаций пациента. Таким образом, он должен был придерживаться “нейтральности” для достижения большего контроля над терапевтическим процессом, лишь посредством верbalных интерпретаций произнесенных с максимальной возможной отрешенностью и нейтральностью.

Такой подход имел своею целью ассимиляцию аналитического опыта к научным принципам современности, в частности, к позитивизму – парадигме сложных наук - где модель понимания отношений аналитика-анализируемого, была объектом исследований наблюдателя во взаимопосторонних отношениях. Утверждалось, что личность исследователя-аналитика никоим образом не влияет на то, что он наблюдает и понимает, более того, всякое подобного рода влияние считалось индикатором патологии пациента или неопытностью или ограничениями аналитика. Сам Фрейд, типичный представитель модернизма, в свое время идеализировал эту модель как абсолютномогущественную. Его настаивание (Фрейд 1912: 97- 120; Фрейд 1913:121-144) на воздержании, нейтральности, анонимности, объективности, и т.д. со стороны аналитика имели целью удерживать в отдельности друг от друга наблюдателя и

наблюдавшего. Этим способом “внутренность сессии” должна была оставаться наиболее стабильной, а условия изучения или исследования бессознательного – единственного “объекта” изучения во время психоаналитической сессии - “максимально

объективными”². Основываясь на этой научно-идеологической позиции, центральные аспекты практики это - трансфер, повторение и сопротивление, относящиеся к двум независимым пространствам, каждое со своим психическим характером, соответствующим его объективной роли: познание/эксперт-субъект, трансфер/контртрансфер, повторение/проективный экран, сопротивление/истина, которой сопротивляются. И интерпретации аналитика должны были быть исключительно вербальными выражениями его бессознательных фантазий, собранных из хранилища анализируемого. Всемогущество, присваеваемое объяснительной способности теорий было таким, что психоаналитик считал, что мог обеспечить позицию, близкую к уверенности.

Я полагаю, насколько я мог это изучить, Фрейд говорил о правиле, о принципе воздержания, а не о нейтральности как о концепции. Он ссылался скорее на такие

контртрансференциальные ситуации, как “терапевтическая гордость”, “гордость образованности”, где его оперативной рекомендацией можно было считать

нейтральность. В словаре Лапланша и Понталиса мы читаем: “нейтральность относится не к реальной личности аналитика, а к его роли”. Таким образом, аналитик может (а в

работе с подростком это рекомендуется) применить любой подход и осуществить любой акт, пока это оказывается полезным для *места и роли* аналитика.

Парадигма объективности позитивиста могла поддерживаться только при учитывании психической реальности анализируемого со свободными ассоциациями и аналитиком-экраном с плавающим вниманием. То есть воздержание аналитика заключается в том, чтобы не давать инструкции пациенту о том, как собирать свои воспоминания или думать об определенном периоде его жизни и в том, чтобы не убеждать его по поводу религиозных, нравственных и социальных ценностей. Очевидно, это дошло до таких экстремальных ситуаций, как буквальное понимание таких богатых концепций

как “аналитик без памяти и без желаний” (Бион 1970) или игнорирование других концепций: “материнская мечта” (Бион 1962), “аналитик создает сессинг с пациентом” (Мельтцер 1990) или “переходное пространство и переходные объекты” (Винником 1958)

и много других концепций, считающихся инвайроменталистскими или бихевиурристскими. Фактически, эта концепция была распространена на детей, пубертатный возраст

и на подростков, рекомендация М. Кляйн, приведенная выше, была забыта. Она означает, что неизменность составляет психоаналитические принципы, и мы должны адаптировать процедуры к мышлению ребенка, а не ребенка к процедурам. С другой стороны, это, следовательно, предполагает, что классическая техника была приспособлена и отточена для неврозов трансфера у взрослых, и нам необходимо психологическое изучение состояния психики подростка, которое составляет невротическую мозаику, первично-полиморфических и психотических операций в постоянном движении.

Пытаясь охватить разнообразие этих клинических ситуаций, которые являются последствием множественного и переменного психического состояния пубертатного и подросткового возраста, желательно понимать психику, как открытую систему и иметь аналитический подход, направляемый концептуализациями и идеями теории комплексности, которая учитывает единственное и множественное, где парадокс, неопределенность и жребий всегда будут представлять подобные концепции, которые оказываются абсолютно необходимыми в процессе развития подростковой заявки на всемогущество и всезнание: факт того, что ничто не единогласно и не однозначно, что существуют ситуации, не имеющие никакого решения, что не все гарантировано и что не все предсказуемо. Анализ базируется не только на событиях детства во избежание повторения. Наше знание о бессознательных фантазиях и механизме проективной идентификации оказывается полезным, но недостаточным для получения более ясного понимания и всеобщемости перепитий психической реальности, не целиком расположенной в одном единственном объекте, и того факта, что его вынужденный выход во внешний мир, несет в себе присутствие другого, определяющего ограничения

первого. Присоединяясь к группе сверстников, подросток получает возможность медленного осознания того, что он не может уменьшить присутствие другого согласно своей фантазии об этом другом. В этих связях он будет альтернативно репетировать различные роли одну за другой – роли лидера, близкого друга, оппонента, покорного, маргинала и другие, принимая для себя одни и назначая других на прочие. Он оставит позади часть своих инфантильных идей и отдастся от первичных объектов идентификации и создаст новые значения среди своих теперешних связей, что создаст субъективность. Остальные члены его группы вынудят его проходить через собственный план историзации вновь и вновь, и они повысят сложность, помещая его не только в его собственную напористую структуру, но также в структуру связей, которым он принадлежит. Различные типы DES-идентификаций и переидентификаций будут иметь место, образуя его и других. Только подобным образом он будет способен принять определение своей сексуальной позиции, разбирая вопрос своего напора в поле символизма.

Место, функция и позиция аналитика с пациентом пубертатного и подросткового возраста

В введении я объяснял, что считаю всякий психоаналитический подход крайне сложным, если подростковость не учитывается как внутри-субъективный опыт. Перспектива “присоединения” психоанализа ко вкладу некоторых авторов различных теоретических направлений “подталкивала” меня в моей практике. Я считаю, что мой

инструментарий и квалификация должны быть пропорциональны многообразию субъективных состояний подростков.

В первую очередь, я думаю, что *аналитическое столкновение* должно иметь своим фоном неуменьшаемое различие между фантазиями друг о друге и о том, что это столкновение вызывает и у аналитика, и у подростка. Безусловно, место аналитика налагает роль, содержащую это различие, т.е. как только аналитик оставляет позади сюрприз, который он может в определенный момент внимательно исследовать, он должен сохранять воздержание и дискриминацию в различие на свой риск. Это различие будет воздействовать на каждого, вновь и вновь способствуя процессу дезидентификации и порождению новой субъективности.

Таким образом, усилия аналитика с первого же интервью будут заключаться в том, чтобы слушать подростка и его отношение с бессознательным и, в свою очередь, работать, обозначать и, в конечном итоге, оперировать связующими звенями.

С подростком

Взрыв пубертата крайне травматичен и в своих соматических, и в психических аспектах требует подтверждения и внутренней субъективной поддержки аналитика.

В пубертате возникают новые проблемы, но не их решения. *“Подход слушания”* аналитика, следовательно, является чрезвычайно важным и смягчает недоверие и отвечает потребности пубертата в идеализации объекта, потребности любить и быть любимым, как целое.

И сексуально созревшее тело, и нарциссические идентификации с родителем своего пола, как опоры до начала эдипального соперничества с ним, приводят подростка в соприкосновение с фантасмагорическим опытом, лишенным языка, когда присутствие аналитика становится очень важным. Из-за всего этого, они, кажется, проходят пограничные состояния. В терминах П. Аулагнера, новые пиктограммы должны быть отражены в фантазиях и пущены в оборот в виде презентаций, которые в то же время в момент, когда входят в контакт с языком на предсознательной стадии, сделают возможным выражение эдипального соперничества и гетеросексуальных желаний.

Но если сексуальное созревание тела слишком травматично из-за сложности его фигуративности, то процесс символизации остановится прежде, чем новшество и комплексность психического аппарата пойдут замещающими путями и будут неумолимо сформированы в мозаику инфантильных, латентных и подростковых аспектов.

Со своей недостаточностью слов и выражений подросток нуждается в аналитике, не только для того, чтобы отказаться от своих маниакальных защит псевдозрелости ламентного возраста, но и для нахождения необходимых слов для эмоционального поддержания своей речи во время прорабатывания. **Это - не вытесненный материал, это - то, что должно быть сконструировано.** Следовательно, у аналитика не только задача интерпретации, создания связей между опытом прошлого и трансференциальным опытом, но также, и особенно, задача создания **пространства для фигуративности** нового, психически и соматически возникающих новшеств. Это означает акт слова, порой пробормоченного максимально близко к первым репрезентациям телесности и к пиктографическим репрезентациям, как минимальной психической активности, при помощи которой подросток представляет состояние необходимости, безусловно испытываемой его телом и психикой с раннего детства. Благодаря такому эмоциональному воздействию, если ранние страдания были чрезмерны, фантазия, как причинная интерпретация, не сможет быть включена в то, что происходит с его телом. Репрезентация болезненного аффекта, сопровождаемого новыми и неожиданными телесными событиями, включая происшествия и хирургические операции, не смогут быть приписаны чьему-либо желанию и станут причиной дисморфофобии. В результате возникают хрупкость, беспомощность и душевная боль, которые мы так часто наблюдаем в клинике. В своей функции создателя формы аналитику также потребуется учитывать свой контратрансфер и интуицию.

П. Аулагнер (Аулагнер 1981) считает, что мы не осознаем того факта, что имеем пробелы в своем мышлении, знак каких-то шрамов, на которых никогда ничего не будет написано. До тех пор, пока таких пробелов немного, мы можем их игнорировать, но если они пересекают определенный порог, они манифестируют сами себя как некое торможение. Если эти пробелы умножаются и относятся к тем секторам, где расположены тело, удовольствие и желание, то эти сектора частично будут исключены из мышления и, следовательно, станет невозможным использование этих частей для своего тела, ассоциированного с удовольствием и желанием. Это – временное психическое состояние в пубертате, которое не дает возможности создавать истории, сотканые вокруг своей новой телесной формы с ее желаниями и удовольствиями.

В случае с очень закомплексованными подростками и детьми пубератного возраста с беспокойной и бурной жизнью предложение диалога, с догадками и конфронтацией в этом смысле оказываются действительно очень полезными. Я думаю, что сопровождение пациента состоит не только в употреблении с пользой мыслей и аффекта, которые идут рука об руку, но и в использовании эрогенного тела аналитика. Вдобавок к ассоциациям (вербальным, графическому материалу и повторяющимся актам), плавающему вниманию и интерпретациям, всякий раз, когда возникают упоминания, относящиеся к каждодневной жизни подростка, я предлагаю обсудить это и смотрю, какой материал из этого возникнет. Нем необходимости говорить, что я принимаю предложения пациента, всегда основываясь на исходном условии совместной готовности столкнуться с тем, к чему это может привести с целью выдержать неожиданные факты. Это – моменты диалога между двумя людьми. Связь, в которой обсуждаются идеи, кода двое видят, что они могут сделать вместе, сталкиваясь с препятствием, которое мешает и пациенту, и аналитику. И тут может возникать открытое пространство для множественных **верbalных, жестовых и телесных беспорядочных актов** и у анализируемого, и у аналитика. Иногда **постановки и представления** (отыгрывания вовне), которые в рамках анализа требуют нашего понимания и интерпретации, имеют своим намерением вхождение в процесс, а не трансформацию в **пассажи акта** (более или менее неожиданные моменты лечения). Это – диалог, не позволяющий серьезного молчания аналитика и классического вопроса "... а что вы об этом думаете?", который мы бы задали невротичному взрослому. Подростку нужен непрерывный диалог, разговорная ситуация, подобная той, что существует в игровой комнате с ребенком. Это – аспект аналитического пространства выстроенного между двумя, где будут найдены причины всех возможных историй, и настанет момент, когда разделенный бессознательный опыт станет сознательным.

И считаю, что аналитик – это не только экран для проекций, но он также может быть вовлечен и в то же время может показывать себя как отличного другого. Не может быть анализа, если нет связи. И нет связи, если аналитик не проявляет себя, как другой. Он – это тот другой, который позволяет модификации на себе самом, работая с пациентом, хотя и его субъективность участвует с определенным воздержанием по определенному критерию вовлечения. Тут, когда следуешь сценарию другого, конечно же, необходимо заботиться об абсолютном воздержании. Именно тело аналитика может съезжать на подход и действие мегаломаниакального суперэго или на обучающее действие.

Подводя итог, легко заключить, что применение концепций невроза переноса и технических инструментарий оказываются недостаточными для работы с подростками, отталкиваясь от гипотезы, что, подобно предэдипальному периоду, психическое состояние подростка есть хаотическая комбинация всех психопатологических категорий в постоянном движении и эмоциональной нестабильности из-за “разрушения” псевдовзросlostи латентного возраста и нового выхода на поверхность неопределенности относительно множественных дифференциаций (внутренний-внешний, взрослый-ребенок, хороший-плохой и мужской-женский) в условиях разочарования и неверия в родителей. Это состояние полного переосмысливания детского мира, к которому он добавляет способность вести свою эротическую жизнь и способность к воспроизведению, требует задумчивости, для которой схема психики, как открытой системы, оказывается решающей, где напор конституируется в поле другого, и субъективности консолидируют себя в успешный интерсубъективный опыт, где подросток будет перерабатывать эффекты новых взаимоотношений вне укрытия и компенсации, предлагаемых его родителями, и где он несет ответственность за новые связи, которые своей плотностью пишут новую историю о нем, которая будет не только отличаться от предыдущих, но и также будет принадлежать ему.

Эта перспектива меняет идею трансфера; это будет не только образец трансфера-контртрансфера. Дэвид Либерман считал, что существуют факты и ситуации, не являющиеся трансференциальными перередактировками, но возникающими из аналитического взаимодействия и особенно запускаемыми реальной личностью аналитика и его референтных схем. (Джоэл Зак Андеба, 1985, стр. 28) Аналитическая ситуация предлагает сцену, которая несмотря на континуирование и раскрытие бессознательной фантазии, никогда ранее не имела места. Трансфер, или лучше сказать, трансферируемое континуируется в связи с аналитиком, будучи одним из компонентов такой связи. Другим компонентом связи является область, которую мы можем назвать “свободной от трансференциального прошлого”,

“действительной” возможностью настоящего, в которой будет нечто новое, не полностью предсказуемое. Эта возможность, которая позволит возникнуть новому опыту, может быть или не быть значимой для аналитика и для анализируемого, и она обычно сопутствует всякому новому опыту. Следовательно, это также учреждает бессознательное.

Как мне видится, это также можно считать установлением контртрансфера и вкладом в развитие трансфера. До сих пор мы ссылались на контртрансфер, как на реактивацию прошлого аналитика, а также, как на опыт проживаемый с анализируемым в настоящем. С другой стороны, работа с нахождением связей и с отношениями внутренних объектов способствует эволюции трансфера-контртрансфера, работающих с творческими возможностями связи. Понимание вышесказанного привело меня к решению не придерживаться эксклюзивного типа семинга, что не означает, что я пропагандирую безмятежность и беззаботность при изменении смысла в разных видах лечения³.

Оставаясь приверженным Либерману, я рассматриваю это как измерение перспективы трансференциальных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интерсубъективный: связывание, когда участие присутствия другого является определяющим и абсолютно незаменимым для конституции и непрерывной сложности индивидуальной субъективности и для определенного психического функционирования.

² Но сам Фрейд, который всегда был абсолютно предан науке и убеждению, что только человек науки может победить не только природу но и самого человека, к концу своей деятельности понимал, что психическая реальность куда более сложна. (1937)

³ Не бесполезно прояснить, что я не рассматриваю концепцию "семминга" только с точки

зрения количества сессий в неделю.